

Глеб Иванович Успенский

«Недосуг»

Глеб Иванович Успенский
«Недосуг»
Серия «Кой про что», книга 7

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665945*

Аннотация

«...В стройной и искусной композиции рассказа переплетаются две темы, характерные для всего цикла. Одна из них, на которой основана вся трагическая история маляра Егора, – бедность, «нехватка» во всем и одиночество, «сиротство и беззащитность» крестьянина в условиях полного разложения общины в деревне, когда всем «недосуг» думать о делах и жизни ближнего. Вторая тема, обрамляющая историю Егора, – тема общественного индифферентизма современной интеллигенции 80-х годов, в «недосуге» личных бытовых мелочей не замечающей тяжелого положения крестьянства...»

Содержание

I	4
II	9
III	15
IV	24
Примечания	26

Глеб Иванович Успенский

«Недосуг»

I

...Поезд по обыкновению остановился около станции в три часа ночи; приезжие устали, иззябли и спешили по домам, забегая в буфет выпить водки, чтобы согреться, забегая в почтовое отделение, чтобы получить письма и газеты, в то время как артельщики таскают вещи, получают по квитанциям багаж. Вообще всегда в этот час на нашей станции идет торопливая ходьба, торопливый разговор, торопливая еда, шум, ходьба, суматоха...

– Всем вам, господа, жертвую по двести тысяч! – громко, во всеуслышание послышалось откуда-то сквозь шум и гам толкающейся толпы. Я было повернул голову в ту сторону, откуда эти слова слышались, но надо было пить водку «поскорей» и спешить... И вся публика, так же как я занятая своими суетливыми делами, хотела было обратить внимание на этот возглас, но за недосугом как-то не успела этого сделать...

– Что такое? – спрашивал иной, поднимая голову, но так как вместо ответа артельщик сует ему в руки багаж, то надобно сосредоточивать свое внимание на багаже, а тем вре-

менем уже и забылось то, на что хотел он обратить внимание.

Торопливо выпив водки и закусив, и я также хотел было спросить у кого-нибудь: «что такое?» и «кто это говорит?», но внимание мое было привлечено уж другим разговором.

– Тащите вы его, дурака, отсюда! – кричал буфетчик. – Федор! Скажи жандарму, чтобы взяли его... Говорено было не пускать.

– Так ведь ломится силом!..

Торопливый шум сильного и дружного натиска в дверях вновь побудил меня задать вопрос о том, что такое происходит, но едва я произнес:

– Скажите, пожалуйста...

Как ко мне впопыхах подбежал извозчик и проговорил:

– Пожалуйста садитесь!.. Поспешать надо... мне еще одного барина в Тифин¹ взять... уж сделайте милость...

Надо было «бежать» к саням... На бегу к повозке я миновал толпу служителей, жандармов, окруживших какого-то мужика, тщедушного (лампа слегка осветила его лицо), без шапки. Что он говорил, поясняя свои слова быстрыми нервными жестами, – не было слышно, а остановиться было некогда.

– Волоки, волоки его домой! – говорил кто-то тоном человека, привыкшего распоряжаться... – Ладно! присылай двести-то тысяч!

И вслед за мной, когда я осторожно спускался с обледене-

¹ Тифин – Тихвин.

лых ступеней платформы, шумно гремя саблями и торопливо и громко стуча ногами, поспешно прошла толпа жандармов и сторожей, все с той же (теперь уже неясной от темноты) фигурой мужичонки посредине, и, сбежав со ступеней платформы, скрылась во тьме зимней ночи.

– Поволокли! – сказал ямщик, влезая на козла саней, – должно быть, запрут где-нибудь в казарме...

– Да кто это такой и что такое? – спросил я, на конец, когда кончились все хлопоты, и сани тронулись о путь.

– Да помешан тут один мужичонко... Всем, говорит, по двести тысяч рублей дам... Помните, я вам года три тому назад маляра рекомендовал?..

Не помня чужих хлопот и забот за своими хлопотами, я, как и все грешные, свои-то хлопоты помню хорошо и при словах ямщика весьма отчетливо вспомнил, что три года тому назад действительно надобно было оклеивать комнаты в деревенском доме и я искал маляра. Вспомнил я комнаты, которые нужно было оклеивать, вспомнил даже и обои, и рисунок на обоях, и цену, а маляра не вспомнил...

– Нет, – сказал я, – этого мужика у меня не было... кажется, не он оклеивал!..

– Да и есть не он... У вас тогда другие перебили... он только сторговался, а другие взяли работу-то!

Теперь я вспомнил и это обстоятельство. Точно, сначала пришел плюгавый мужичонко и наобещал с три короба – юлил, вертелся, бормотал... А потом пришли еще два маля-

ра, старик и молодой сын, раскритиковали мужичонку в пух и прах, отрекомендовали себя с самой лучшей стороны («даже у купца Чистоплюева отделявали к свадьбе залу с панелью!»), взяли меньшую цену и даже, помнится, во все время работы, стоя на табуретах, шаркая руками по стенам и махая кистью по потолку, только и разговаривали, что о мужичонке...

– Ему бы только задаток взять, а там его и с собаками не найдешь... Он вот у курлянца взялся, так одного глянцу перервал на пять целковых – а потолку было всего сажений на шесть квадрату... Как можно! С неумелыми руками за это дело браться нельзя... А в наших местах народ какой? Понадобилась ему копейка, так он не то что за маляра себя выдаст, а за архиерея провозгласить не постыдится... Избаловался народишко начисто!

Все это я вспомнил, а так как время езды было праздное, то я и спросил ямщика от нечего делать:

– Отчего же это с ним?

– Да бог его знает... Нам недосуг дознаваться... Видно, уж так богу угодно... Я его путем-то и не знал... Только что иной раз подойдет, попросит работы – ну и рекомендуешь господам... а так чтобы касаться... И с своим-то делом еле-еле управишься...

– На чем же он помешался-то?

– На богатстве, вишь... Всем, говорит, по двести тысяч дам... Храм выстрою... попам пожертвую, вечное чтобы по-

минование, каждому мужику справлю хозяйство... В буфет ломится, требует дорогого кушанья...

– Давно ли это с ним?

– А бог его знает!.. Недосужно нам мешаться в чужие дела... своего много...

– Да ведь он ваш?

– Наш-то наш... Да ведь у нас много всякого народу...

В это время сани круто повернули на старое московское шоссе; сильный ветер мерзлым колючим снегом ударил прямо в лицо и мне и ямщику; ямщик замолчал и закрылся рукавицей; я закрылся шубой, высоко подняв воротник. Оба мы замолчали, молча доехали домой, совершенно забыв маляра, и, проснувшись утром, я (да и ямщик также) уже совершенно не помнили вчерашнего дня... Настал новый день, новые хлопоты, новый недосуг...

II

Недосуг за недосугом, забота за заботой – и чем дальше, тем больше, и тем меньше возможности останавливать внимание не на личных только хлопотах... Сидел я так-то однажды дома и пробовал «заняться чтением». Давно уже, лет пять назад, надо было «проштудировать» одно серьезное сочинение в пяти больших томах, да все недосуг... «То то, то другое». Так и на этот раз: проснувшись утром, я твердо решил весь день посвятить чтению «серьезного сочинения»; проворно встал, взял и отточил нож столовый (косяной ножик остался в городе), чтобы сначала разрезать для удобства чтения *все томы*, и тотчас бы принялся за дело, если бы не чувствовал, что меня беспокоит какая-то «малость». Только бы, казалось, устранить эту малость, и тогда можно приняться за дело серьезно и основательно... Но по обилию всяких домашних малостей я не скоро бы догадался, которая из них препятствует мне приступить к серьезному занятию, если бы на выручку мне не явилась старуха кухарка.

– Что ж, будем мыть полы-то?.. Там женщина пришла, просит работы...

– Мыть, мыть! – радостно завопил я, увидав с полнейшей ясностью, что мытье полов и есть именно та «малость», которую необходимо устранить, чтобы, наконец, основательно сосредоточиться на чтении серьезного сочинения в пяти то-

мах. Ввиду этого я просил старуху кухарку как можно скорее приступить к мытью, а пока решил повременить разрезывать томы и побыть так, без дела, пока кончится вся эта возня.

Скоро явилась баба и принялась за работу, и работа была до такой степени артистическая, что решительно нельзя было ею не любоваться. Женщина была красивая, ловкая; хотя уже, видимо, потерпевшая и поголодавшая на своем веку; но, несмотря на лохмотья, в которые она была одета; на грязную работу, которую делала, во всех ее движениях, даже в манере нести грязное ведро сказывалось ее природное изящество и вместе с тем замечательное искусство труда. Стоит ей налить воды на грязные доски крыльца и провести по мокрой грязной доске грязною тряпкой, как доска эта делалась белее снега. Достаточно было мельком видеть эту работу, эту женщину и её манеру, чтобы деревенский, опытный в деревенских талантах глаз оценил не оцененные качества такой бабы.

Работа была кончена чрезвычайно быстро. Баба ушла, получив расчет. Следовало бы немедленно взять «серьезное сочинение», столовый нож и приступить к серьезному занятию; но я, прежде чем сделать все это, почему-то счел нужным предварительно поговорить со старухой кухаркой.

– Кто такая эта женщина?

– Да это тут одна вдова...

– Здешняя?

– Знамо, здешняя... Муж-от у нее помер недавно в больнице, в сумасшедшем доме. Помешался на деньгах – всем,

говорит, по двести тысяч награды дам... А недавно и кончился в больнице. Ну вот она и бьется теперь... Чай, помнишь, как дом-от вздумал обоим обивать, так маляр к тебе напрашивался?.. Годов пять, что ли, никак будет?

(Старуха жила у меня с незапамятных времен).

И вот опять, чрез пять лет, всплыла в воспоминаниях моих тщедушная фигура маляра, всплыла случайно, как обыкновенно всплывают в нашей памяти, памяти людей, поглощенных *своим недосугом*, тысячи случайностей чужой жизни, случайностей, никогда почти не уясняемых, а остающихся в виде каких-то обрывков чужой жизни, затемняемой мелочами того же личного недосуга. Как только старуха вспомнила о том времени, когда я вздумал «обоим обивать» свой дом, так я опять вспомнил и обои, и цветы на обоях, и цену, вспомнил и тщедушного маляра, который извивался передо мною, чтобы получить работу, вспомнил и тех двух маляров, которые эту работу перехватили у него.

– Да, да, – сказал я кухарке, – помню; это тогда он пришел первым... а потом пришли другие?..

– Ну-ну!.. Это тогда его родной отец со своим сыном работу от его отбил...

– Как родной отец?

– И-и! Такой зверь дикий, да хуже еще!..

– Как же это? Я и не знал, что его отец.

– Иде ж тебе знать! И мы-то здесь уж завсегда живем, и то, почитай, не знаем... Он, покойник-то, от первой жены его

сын-то... Покуда жива была мать, то есть первая жена, и отец это не такой был зверище... А уж мать-то как его любила, баловала, нянчилась!.. Нежный был ребенок, чувствительный. И отец-то в ту пору другой был – все, бывало, с сынишком на работу свою малярную ходит, обучил его своему мастерству рано... Ну, а как умерла мать, отец и задумал жениться на другой и взял тоже из нашей деревни девку... Только не дай бог какая ведьма!.. Пока своих детей не было, еще и так и сяк терпела пасынка, а как свои-то пошли – и стала его сживать со свету, а отец и вовсе этой бабе подвергся: что она скажет, так тому и быть... Гнали, гнали малого, искореняли, искореняли его – принужден был уйти от них куда глаза глядят... Бывало, слезами плачет, обливается... По крестьянству не умеет, а малярное дело отец отбивает; но пока не женился, все кое-как на одного-то хватало... А как оженили – так уж тут стало ему хоть разорваться... Жена-то у него бойкая, работающая, а ему не поспеть по крестьянству-то за ней!.. Вот он стал рвать себя на части – бегаёт, просит работы, ночей не спит, а родной-то отец его, как волк зубами, раз да раз за самое свежее мясо, оторвет да оторвет себе, да еще осрамит сына-то родного!..

– Да, он его тогда очень бранил! – вспомнилось мне, и я сказал об этом старухе.

– У-у! такой тираннице стал, не приведи бог, а сама-то поди какая печь огненная... Ей бы только своим детям все досталось; а кто помешает – так и проглотит без разговору...

Вот он от бедности-то, должно быть, и помутился... Денег, вишь, у него тьма-тьмушая.

– Так это родной отец так с ним поступал?

– А то как же? от этого-то он и огорчился рано в своей жизни... Легко ли дело – родной отец не щадит свое чадо!.. Ведь человеку без пристанища страшно жить... Родительское слово – чего оно стоит! А тут на-ко что!.. А ведь он нежный-пренежный был, чувствительный!.. Рабенок у него родился от Авдотьи, так не надышется!.. Бегает, работы ищет, а мальчонка Андрюшка на руках... Вот и с рабенком тоже господь его не помиловал! Тут-то вот, с рабенком-то, как вышло нехорошее дело, тут-то, должно быть, он в первый раз и крянул....

– А что такое с ребенком было?

– Да задавили его, друг ты мой, на отцовских глазах!.. Жили они на квартире у ямщика... Есть тут у нас один разбойник-ямщик, Буфетов называется...

– Как же, знаю Буфетова!

– Ну вот этот разбойник и задавил малого... Пьянствовать любит, жену колотит, забил ее чуть не до смерти, – вот он в пьяном-то виде разогнал однава тройку, вкатил в ворота и переехал мальчишку как есть на глазах у отца... Как стоял он, Егор (его Егором звали), и видит это – так и упал мертвым... Омок его тогда расшиб – долго отливали водой, пока очнулся. И вот с тех пор, как похоронил мальчика, так что-то стало с ним нескладно... Мутность какая-то в глазах

стала... И в разговоре иной раз непонятно что-то разговаривал... Ну вот потом и захворал, дальше да больше...

– Так вот оно что!.. – сообразив всю эту драму, невольно воскликнул я, начиная чувствовать к этому делу не одно только равнодушное любопытство, как к обыкновенному деревенскому слуху, не имеющему ни начала, ни конца, ни значения.

– Да, – сказала огорченная старуха, – вот какое дело. Вот оно, сиротство-то, до чего доводит. И есть же такие злодеи родители...

Хотел было я спросить:

– Ну а жена-то его как же теперь?

Но в это время пришли сказать, что мужик привез дрова. Надо было пойти, сложить, смерить, расплатиться. Так прошло часа два, а потом настал вечер, подали самовар; приниматься за «серьезное сочинение» было уже не резон – целый день, как видите, все хлопоты и недосуг... Надобно отложить до завтра...

С этой мыслью я лег спать, заснул и проснулся, имея в перспективе новые заботы, среди которых нет случая вспомнить про маляра. Кухарка тоже не вспомнила – и у нее тоже недосуг...

И маляр исчез из наших воспоминаний без следа...

III

А время идет своим чередом и идет так, что нам, деревенским жителям, вовсе незаметно, как год уходит за годом, словно тает, не оставляя о прошлом никаких воспоминаний и сосредоточивая внимание деревенского жителя только на заботах настоящего дня. Сегодня мы не знаем, что будет завтра, а завтра не будет того, что сегодня, – вчерашний день нынешнему не указчик. У меня вот вчера еще не было одной лишней заботы, а сегодня есть: стали куры ходить в клубнику и ягоды клевать, и такое меня «взяло зло» на кур, что я даже и не подозревал. Обыкновенно куры у меня ходили на полной свободе, но пришло мне на мысль развести клубнику (сосед-мужик предложил усов клубничных). «Польстился» я на эти усы, посадил, а теперь и сам не рад – кур развелось множество, и все с цыплятами, и клубнику господь уродил богатейшую – вот и не смыкай глаз всю ночь, потому что чуть солнышко взошло, уж наседки с цыплятами пробираются к клубничным грядкам... И что мне клубника? А ведь не утерпишь, выскочишь в чем есть, и ведь какую войну затеешь с курами-то! Террор, сущий террор! Ожесточишься на бессмысленно мечущуюся наседку, на старуху кухарку, которая не смотрит, а жалованье получает, – взволнуешься негодованием на народное невежество, неблагодарность и вообще дойдешь до самого настоящего раздражения. И ведь не до-

рога мне клубника-то – вот вы о чем подумайте, – а такая уж привычка к своим заботам, все берет за сердце и беспокоит.

Так и идет жизнь: не знаю, зачем «польстился» на клубнику и нажил беспокойство с курами; беспокоился, беспокоился с курами, пришел к мысли – огородить огород частым тыном – новая забота, опять беспокойство: тын по самому малому расчету должен обойтись в тридцать рублей, чего и куры-то вместе с клубникой не стоят, а между тем обо всем этом надо думать и беспокоиться. Скрепя сердце, однакож, пришлось решиться делать тын. Не бросать же кур и гряды зря. Если бросать, так должно бросить и все прочее, из чего вырастает наше ежедневное деревенское беспокойство: и капусту, и лук, и сено, и свинью, – да все! все вздор и дрянь; а бросишь, так и живи в безвоздушном пространстве... Да тогда зачем и жить-то в деревне?

Одно горе изживешь – другое едет навстречу. Порешил я делать этот тын и немного успокоился. Думаю, недолго куры мне напортят на грядках, потому что Иван Кузьмин, наш однокоренец, мой должник на целых восемь рублей, «беспременно» обещал привезти для тына прутняку и кольев. Помню, даже сам просил меня никому другому не отдавать: «Мы с Андрюшкой духом оборудуем!...» – «Когда же?» говорю... «Вот одна минута... опослезавтра беспременно». Послезавтра бог дал хорошую погоду – не приехал Иван, а я хоть поволновался, но должен был извинить: надо пользоваться погодой – сенокос... «То то, то другое» – и неделя прошла;

вспомнил я о тыне – опять рассердился и на кур, и на клубнику, и на Ивана: все волнует и выводит из терпения... Сто раз я костил этого Ивана самыми неприступными словами и не щадя обрушивал их и на кур, и на клубнику, и на старуху кухарку! Наконец, под угрозой не ждать и отдать работу другому, Иван «забожился мне всеми святыми», что завтрашнего числа «беспрременно все оборудуем»... Знаю давно я эти «беспрременно», «завтрашнего числа», знаю я, что значат эти слова в устах мужика, который задолжал восемь рублей и должен их отрабатывать... Хоть Иван и из порядочных, а все меня беспокоило – ну-ка опять надует... Обещал он приехать «утресь» к седьмому часу, а я, тревожимый заботой ожидания, проснулся уже и вышел в сад в шесть часов и беспокойно ожидал семи часов. Пробило семь – нет Ивана... Пробило двенадцать – нет Ивана... Три часа – нет!.. Словом, передать это состояние невозможно! Скажу одно, что к шести часам я положительно был вне себя, и не знаю, до каких размеров достигло бы мое нервное расстройство, если бы в семь часов Иван, наконец, не подъехал к моим воротам, сидя на огромном возу прутняка.

Его виновный вид, потное, запыхавшееся лицо – все вместе ясно доказывающее сознание им своей виновности и старание загладить проступок – значительно успокоили, меня; я перестал волноваться и чувствовал только сильную физическую слабость...

Я сидел на крыльце, и когда воз с прутняком въехал на

двор, Иван подошел ко мне и, сняв шапку, извинился.

– Уж вы извините, сделайте милость... Я бы и радостью рад, да ведь что поделаешь? Выбрали в волостные судьи и проморили до третьего часу... Уж я потом, не емши, в лес-то поехал...

Я совершенно смягчился, сказав: «Ну ладно! Отдохни!» – и дал ему папиросу. Иван присел на крыльцо. – Отчего же так долго-то? – спросил я.

– Да делов накопивши за лето много!

– У них делов много! – иронически сказала старуха кухарка, также отдыхавшая на кухонном крыльце неподалеку от меня. – Не покладаючи рук мужиков дерут!.. Судьи праведные!..

– Дерем, кто заслуживает! А кого и милуем!.. Тоже все надо обдумать, обсудить...

– А нонича-то кого судили? – спросила старуха.

– Много было всякого... Главная причина – Авдотья час замаяла... Сама взбунтовала дело, жалобу подала, а на суд не пришла... Посылали за ней почитай раз десять – не пойду да не пойду, а потом пришла тут женщина и говорит: «Что вы ее дожидаетесь? Она собрала свои хоботы в узел, да и ушла на вокзал!..» Пожалуй, и в самом деле уехала...

– Это какая же Авдотья-то? – спросила опять старуха.

– Али не знаешь, Авдотья-маляриха, вдова?..

– Малярова, Егорова вдова?.. Как не знать Авдотью!..

Опомнясь она у нас, года никак с два тому быть, полы мы-

ла, – прибавила старуха, обращаясь уже ко мне... – Помнишь, чай? Баба такая складная?

Тут я вспомнил и бабу, вспомнил и плюгавенького маляра, вспомнил и то время, когда дом «обоим обивал», и как пришли два других маляра и отбили у плюгавенького работу, вспомнил и то, что эти два маляра были отец плюгавенького и его сын от второй жены – злой бабы; вспомнил, что плюгавенький очень был несчастен, очень чувствителен и что от бедности он тронулся, что мальчика у него раздавили, что в обморок он упал и что теперь он уж в могиле...

Вспомнив все это, я уже не мог быть не любопытным и спросил мужика:

– Так что ж, Авдотью, что ли, судили?

– Какое Авдотью – сама суд завела!.. Пожаловалась на одного мужика... Так, забулдыга, разбойник... Напился, вишь, пьян да и давай срамить Авдотью. «Я, говорит, тебя перед всем светом осрамлю... Я вижу, что ты на вокзале дружка завела, так я тебя произведу...» И стал орать при всем честном народе, да и на вокзале стал рассказывать: «Я, говорит, с Авдотьей и при муже-то жил как с женой... Она должна понимать, отчего муж-от исчах... И смеет она мне делать измену? Я, говорит, и жену-то вогнал в гроб из-за нее, а ежели она посмеет мне слово пикнуть, так я и не то объявлю...» И уж так поливал ее со всех концов – слушать-то и то тошно... Ну она, Авдотья-то, выла, выла, да и подала в суд: посоветовали подать...

– Ах, разбойник, разбойник! Да кто он, этот разбойник-то?..

– Да Буфетов, извозчик...

– Это что мальчика-то ее раздавил?

– Ну вот он самый! Такая злая татарская порода! Буфетов

– он мальчика-то и раздавил...

Старушка кухарка была так поражена рассказом, что, приложив обе сложенные ладонями руки к щеке, медленно качала головой и охала...

– А как неспроста он и мальчика-то раздавил? – с ужасом сказала она.

– От него все станется!.. Это уж такая ихняя татарская порода... Он два раза господ проезжающих в лесу грабить принимался, только что леволверы были – бог спас. Разбойник!.. Они ссыльные из Касимова... Барин сослал в старые годы его деда. Татарин суший.

– И станется от него, подлеца... Знал ведь он, как отец его лелеял!.. «На ж, мол, тебе... подохни с горя!..» Ведь он нежный был, Егор-то, как ребенок...

– Ну тоже – нарочно задавить!.. – с сомнением проговорил Иван. – Это ведь тоже... А может, они вместях с Авдотьей... Мужик он дерзкий, баба она была молодая, Егор-то жидок... Бог ее знает!

– Ну уж Авдотью ты не порочь! Уж Авдотью я вот как знаю!.. – вступилась с сильным раздражением в голосе старуха. – Ты Авдотьи не тронь!

– Чего мне трогать? Мне чего тут? А что в вашей сестре тоже хорошая тьма в совести... Иная – поглядеть на нее – овца бессловесная, а как разберешь, ан и видишь, что там у нее ад с дьяволами гнездится!

– Уж это про Авдотью не говори! Она сама мне еще при муже сказывала: «Пристает, говорит, ко мне разбойник, проходу не дает... А муж покою не знает...» А чтобы что...

– Н-ну, тоже... Знаем мы вашу сестру... видим!.. Поди, вон, погляди на вокзале...

– И глядеть-то мне там нечего. Не такая Авдотья, не такая!..

– Кому тут разбирать! Однакож вот жалобу-то подала, а сама не пришла...

– А он пришел? – спросил я.

– Он-то был...

– И что ж он?

– Он все свое... «Я, говорит, верно говорю, что с ней при муже жил... Муж-то не мог со мной совладать, я б его убил с одного щелчка... Он, муж-от, всю жизнь меня трясся... Пускай-козь она придет, посмеет пикнуть, так я ей такое слово объявлю – на месте ляжет, потому Сибири мало... Пускай-козь глаза покажет!..» А она вот не пришла. Узнал он, что она с узлом куда-то скрылась: «На-айду, говорит, никому не отдам, не уйдет!.. Упирается за меня замуж идти, хочет на вокзале с одним человеком помутить – ничего! Не позволю!..»

– Куда же она девалась?

– Бог ее знает... Сказывали – ушла, а так чтобы толком разузнать – недосужно.

– Разбойник! Разбойник! – шептала и вздыхала кухарка.

Теперь уж была мне совершенно ясна вся драма, вся биография маляра Егора, все его горе, его сиротство, беззащитность, вражда отца, иссушающая душу ревность, ужас смерти ребенка и бедность, бедность... Теперь я уже знал, отчего он тронулся, отчего у него оказались огромные богатства – только с ними он мог бы выбраться из своего ужасного положения, приобрести внимание и дружество людей, достаток, привет и покой в семье и удовлетворить свои нежные чувства к жене и мальчику... Сообразив все это, я хотя и знал, что измучившийся Егор давным-давно лежит в могиле, что он уже закончил свою биографию, не мог, однакож, не заключить и моих воспоминаний о погибшем на наших глазах человеке – и, ни к кому из собеседников не обращаясь, во всеуслышание проговорил:

– Так вот оно отчего!..

И этим изречением, кажется, навсегда закончилась история маляра.

– Что ж, – докурив папиросу, сказал Иван, – извольте показывать линию, где гнать тын. Уж сегодня где же? Только линию укажите, а уж мы завтра чем свет с сынишком.

Пошли намечать линию, ходили взад и вперед, толковали, мерили, говорили и о тыне, и о клубнике, и о курах; наконец

все сообразили и разошлись... Заснул я с мыслью о том, как бы Иван завтра не проманкировал, – а на завтра были уже новые заботы, новые недосуги...

IV

Так вот и идет наша деревенская недосужная жизнь... А то, что таится в глубине душевной жизни этих одинаковых по недосугу людей, то доходит до нас кой-когда и кой-как. Прилетит весть или слух, намекающий на драму, толкнется в сердце и улетит, как муха, на мгновение присевшая вам на руку или на лоб. Да и столичный житель также не в лучшем положении относительно внимания к душевной драме своих соседей; хорошо дойдет драма до суда – ну тогда и он может закончить ее также совершенно определенным замечанием: «Так вот оно отчего...» А много ли таких-то драм? Зато каждый день газеты приносят их целыми ворохами: убился, отравили, убили и т. д., а «причины неизвестны» – и тысячи таких людей трагически исчезают вокруг столичного жителя ежедневно и буквально без всякого следа в его сердце. Каково качество столичного недосуга сравнительно с деревенским, судить не берусь, но в нашем деревенском недосуге, по причине малолюдства и относительной близости жителей друг к другу, иногда хоть и из пятого в десятое, хоть и с перерывами в несколько лет, – лоскутки драмы, долетающие до вашего слуха со стороны, сами собой складываются в определенную картину, позволяющую видеть причины и следствия и с уверенностью произнести слова: «Так вот оно отчего!» Но увы! эта ясная картина всегда складывается

поздно, всегда в то время, когда уже все кончилось и когда можно только устыдиться своего невнимания к ближнему и чрезмерному вниманию к курам, тыну и клубнике.

– Тебе бы надобно было тогда Егора-то поддержать... Не слухал бы отца-то... Много ты выторговал?.. А может, человек-то оправился бы, не пропал.

Это мне старуха кухарка как-то сказала на днях, услышав что-то про Авдотью (с солдатами что-то; недосуг было спрашивать). И сам я знаю, что не надо бы было верить злому старику, поддержать Егора – да ведь что поделаешь? «То то, то другое!» Даже «серьезным сочинением» не было возможности заняться до сих пор.

Примечания

Рассказ был напечатан впервые в «Северном вестнике», 1887, IX, вне связи с циклом «Кой про что» и с подзаголовком «Рассказ деревенского обывателя». Рукопись не сохранилась; при включении рассказа в Сочинения Успенский внес лишь несколько мелких исправлений.

В стройной и искусной композиции рассказа переплетаются две темы, характерные для всего цикла. Одна из них, на которой основана вся трагическая история маляра Егора, – бедность, «нехватка» во всем и одиночество, «сиротство и беззащитность» крестьянина в условиях полного разложения общины в деревне, когда всем «недосуг» думать о делах и жизни ближнего. Вторая тема, обрамляющая историю Егора, – тема общественного индифферентизма современной интеллигенции 80-х годов, в «недосуге» личных бытовых мелочей не замечающей тяжелого положения крестьянства.